

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

ОН ПОЛНОСТЬЮ ВЫПОЛНИЛ ОБЕЩАНИЯ ЮНОСТИ

Гравюра Н. ЕРЕМЧЕНКО.

БОЛЬШИНСТВО людей любит музыку, надеясь найти в ней такие чувства, как радость, горе, печаль или образы природы, или фантастику, или, наконец, просто хотят, слушая ее, забыть «прозу жизни» — писал И. Стравинский. Но есть композиторы, которые даже не очень искусственного слушателя заставляют подняться над простыми образами и увлекают в длинный мир музыки, не выразимый в односторонних понятиях... Они действительно уводят от прозы быта, но уводят в самые глубины жизни, в ее ритмы, сдвиги, перемены.

Шестую симфонию Прокофьев писал, когда врачи разрешили ему работать только один час в день. Это было в 1946 году. И вы слышите в этой музыке — у человека смятение, тревоги, но он мудр и велик, он знает мир, знает его боль, знает во всем его многообразии, и это знание не то чтобы утешает, а придает силу. Прослушать Шестую Прокофьева — словно пройти через некое очищение. Играет оркестр, и на наших глазах из какого-то гнусавого криканин рождается щемляще-грустная красота. Она отчаянно пробивается сквозь это уханье, тупое и насмешливое, она не может пробиться, переходит в жалобное стенание... И все-таки вырывается. Там, где не может пробиться разум, там пробивается нежность, она преодолевает все... Нет, это не традиционная победа добра над злом. Симфония — не притча и не сказка; симфония — познание жизни, и в этой познании и выраженной сложности и простоте — вот в чем победа.

Несколько фраз, открывающих вторую часть Шестой симфонии, захватывают дух. Причудливые, густые сочетания звуков стоят, тянутся как бы в нерешительности — во что же им вылиться? И выливаются в прекрасные русские мелодии, никогда не слышанные, не из песни взятые, но русские по существу своему, по строю, по образу изложения композитора...

Давно замечено, что композитор может быть поэтом или живописцем, так же как живописец может быть в своих работах поэтом и музыкантом. Прокофьев был не столько поэт и не столько живописец, сколько драматург. Эти слова надо понимать не только как указание на шедевры Прокофьева на сцене — «Война и мир», «Игроки», «Обручение в монастыре», «Ромео и Джульетта», «Золушка», «Каменный цветок», но и в более широком плане. Он был драматургом в каждой своей симфонии, каждой из фортепьянных сонат, в каждом из своих произведений. Они все остро сюжетны, в них всегда — действие, столкновение, развитие мысли-образа. Музыку Прокофьева можно считать трудной для понимания, иногда слишком резкой для непривычного уха, какой угодно, но никто не скажет о ней, что она статична, однообразна, скучна. Драматический конфликт, отражающий сложность, противоречивость и динамизм нашего времени, — вот основа его музыки.

ФРАНЦУЗСКИЙ музыкант Серж Морё так описывает свое первое впечатление от Прокофьева:

«Я увидел высокого человека, в характерной для него (как я узнал впоследствии) позе: скрестив руки на груди, крепко ухватив локти кистями... Вся фигура произвела впечатление напряженной мощи... И, когда он повернулся ко мне, меня встретила голубая ясность взора, которого я никогда не забуду, — это был один из взоров, каким глядят на нас дети и который у взрослого мужчины так необычен и трогателен».

Сила соединялась в этом человеке с почти детской бесхитростью. Поэтому лучшие его произведения были современны, они отражали самую суть, самые глубокие противоречия его времени, но не были чересчур злободневны — он никогда не был мелким. Злоба, даже если это необходима в обиденной жизни злоба дня, не может рождать великую музыку.

По наполненности событиями, драмами, переменами жизнь Прокофьева, пожалуй, превосходит жизнь многих больших композиторов.

Он был свидетелем и участником генерального обновления музыкального языка, которое произошло в начале XX века.

Он испытал такую славу, какая не многим из музыкантов доставалась при жизни, но он знал и годы забвения.

Прокофьев был суховат, подтянут, дисциплинирован и точен. Он не «творил» — он просто работал. Когда он писал музыку к кинофильмам Эйзенштейна, он каждый день точно в условленное время привозил точно таких размеров кусок, какой нужен был режиссеру. Когда ставили его балеты, постановщики требовали от него то одну переделку, то другую — там новую сцену, там удлинить эпизод на несколько тактов. Он был недоволен, но все просьбы скрупулезно исполнял. Он работал. Да что там говорить, пленительный. Наташин вальс из оперы «Война и мир» был написан им, можно сказать, по заказу. Постановщик попросил написать вальс для сцены петербургского бала...

Его вдохновение, его талант не знали

каприза, случайности. Применительно к нему не скажешь «творческий порыв» — это была постоянная и мощнейшая энергия, которая выбивалась из всех рамок, ограничений, условностей.

Чайковский говорил, что музыкальные мастера сочиняли свои бессмертные творения «совершенно так, как сапожник шьет сапоги, т. е. изо дня в день и, по большей части, по заказу». Он видел в этом признак величия.

ЕСТЬ ЛЮДИ, которые становятся известными с первых шагов своей деятельности. Сначала о них говорят: «Подает надежды». Кажется, Прокофьев никогда не «подавал» надежд — он всегда оказывался выше того, что от него ожидали.

В 25—27 лет он был уже прославлен во всем мире — у себя на Родине, в Америке, Англии, Франции, Японии... Его знали как выдающегося пианиста: «Человек, у которого стальные пальцы». «Паганини роля». Его знали как дерзкого, остроумного, блестящего композитора, автора нашумевшей оперы «Любовь к трем апельсинам», не менее известного балета «Сказание про шута, семерых шутов перешутившего». Его первые пьесы для фортепьяно, «Скифская сюита» исполнялись на всех концертных эстрадах. Ему не пришлось пробиваться — за него пробивался его талант, слишком яркий, чтобы кто-нибудь мог остаться равнодушным к нему.

Восемнадцать лет он сочинил мелодию, которую долго — еще семь лет — приберегал, пока не отдал Третьему фортепьянному концерту и не превратилась она в знаменитую тему с вариациями (вторая часть концерта). Это не очень правильно — искать в музыкальных образах конкретное, зримое, «объяснять» их. Но каждый раз, когда слушаешь Третий концерт, когда возникает эта потаенная, тонкая, изящная мелодия, представляешь себе почему-то юность, дерзкую, уверенную в себе, в своем таланте, в своих силах, воплощение вызова.

Юности свойственна дерзость. Но она подчас бывает бессодержательной и кончается ничем. Дерзость ведь может быть и от силы и от бессилия...

Прокофьев был дерзок с первых своих шагов. Дерзостью, вызовом была его «Классическая симфония». Дерзкими были его гармонические новинки, его острые ритмы. Пожалуй, не было до Прокофьева такого щедрого композитора, и давно не видели, не чувствовали слушатели такого душевного здоровья.

За вызовом, который Прокофьев, юншей, бросил музыкальному миру, крылось что-то глубокое, серьезное, основательное...

Один из музыкантов сказал о Прокофьеве поразительно просто и точно: «Он полностью выполнил обещания юности».

Вот мысль и вот жизнь, которые стоит обдумать.

Три последние симфонии Прокофьева: Пятая, Шестая и Седьмая — если рассматривать их одну за другой, — вместе составляют одно большое произведение, материал которого, кажется, уже даже не музыка, а жизнь.

Пятая — это буря и натиск, это бешеная увертюра, написанная человеком зрелым и юным одновременно. В ней резкие контрасты: ликование сменяется похоронным маршем. И заканчивается она нарастающим движением.

Шестая — это кульминация, это глубочайшее философское раздумье, это серьезность и строгость.

Седьмая — по преимуществу лирична, тут возвышенная лирика, радостная и грустная. Это воплощение той мудрой простоты, о которой так хорошо сказал поэт: «Нельзя не власть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту...»

Прокофьев «впал» в неслыханную простоту, и это было не отступление, не сдвиг позиций, а новая, высшая ступень, это тоже была «ересь», такой же вызов, как и в первых ее сочинениях.

Седьмая симфония его отмечена Ленинской премией. Она прозрачна, ясна и чиста, как чиста та звонкая капля, которую она касается. Это было одно из последних крупных произведений композитора, и он кончил его не торжественным бурным финалом, а задумчивыми, широкими всплесками... Он ушел в размышления — и нас оставил в размышлении.

Незадолго перед смертью Прокофьев с робкой надеждой спрашивал: когда же включат в план постановок его «Войну и мир»?.. Сегодня эта опера идет на многих сценах страны. Совсем недавно она была блестяще поставлена и в Новосибирском академическом театре оперы и балета. Большой театр имеет возможность в юбилейные дни, когда мы отмечаем 75-летие со дня рождения композитора, показывать четыре прокофьевские вещи... Произведения Прокофьева — основа репертуара Ленинградского малого оперного театра.

И с каждым днем становится все яснее, что мы были современниками великого русского композитора. Его творчество все больше покоряет мир.

С. СОЛОВЕЙЧИК.